

Князь Чжао Сяо Циюй с тех пор, как Сяо Ципин ослеп, вёл себя так, будто уже занял место наследника престола. В свои тридцать лет он обзавёлся двумя сыновьями и дочерью, будучи старшим сыном и обладая военными заслугами, он казался очевидным кандидатом в престолонаследники. Сяо Янь хранил молчание, и два-три года Сяо Циюй ещё мог обманывать себя, считая это испытанием...

Но вот уже даже Сяо Цичэнь, которого он всегда презирал, почти сравнялся с ним в положении.

— Неужели у императора есть свои соображения?

Услышав это, Сяо Цичэнь усмехнулся:

— Нажмёшь на одно — всплывёт другое. Разве может быть всё так просто? Если он и дальше будет меня притеснять, заставляя день за днём штудировать классические трактаты, брат Юй и вовсе может решить, будто я метю на его место, — а я не хочу создавать себе лишних проблем.

Сказав это, он, словно представив себе нерадостное будущее, с тревогой отхлебнул чаю. Подняв глаза, он увидел, что Су Янь смотрит на него со сложным выражением лица. Сяо Цичэнь смущённо кашлянул и поспешно сменил тему:

— ...Ладно, не будем об этом, поговорим как-нибудь потом. Я сегодня всё утро слушал их перепалки. В чём, собственно, дело?

Су Янь, увлечённый его словами, тут же забыл о невысказанном разочаровании и обстоятельно изложил суть: тюркский каган умер, старший сын хочет захватить трон и не пускает младшего брата на родину, поэтому смерть скрывают. Но мать, благоволящая сыну, что в далёких землях, считает, что, упустив этот шанс, он уже никогда не вернётся в каганат, и отправила послов к императору Нань Лян с требованием выдать сына. Однако те ещё по дороге в Цзиньлин были схвачены.

Он говорил медленно и обстоятельно, и Сяо Цичэнь, выслушав его, понял суть дела — куда лучше, чем за всё утро споров.

Закончив, Су Янь с жадностью осушил чашку чая. Затем они переглянулись и молча пришли к общему мнению: это не та проблема, где их слово что-то значит, и дальнейшие разговоры бесполезны. Лучше обсудить что-нибудь другое.

Старые друзья, не видевшиеся полгода, могли бы говорить без конца. Но в их приватной беседе Су Янь не упомянул о том письме. Он промолчал, и Сяо Цичэнь, словно по молчаливому согласию, тоже сделал вид, будто забыл о нём, — как будто между ними никогда не существовало той ветки сливы, нарисованной в порыве ночной тоски.

— ...Ты помнишь брата Хань Гуана? — вдруг спросил Сяо Цичэнь.

Су Янь удивился, но кивнул:

— Твоего бывшего наставника в детстве. Помню.

Сяо Цичэнь пересел с противоположного места рядом к Су Яню и понизил голос:

— В прошлом месяце, в пятнадцатый день, я навестил старшего брата Пина и увидел там Хань

Гуана. Он сейчас служит в Янчжоу, и, узнав, что брат Пин берёт наложницу, специально приехал поздравить. Я заметил, что он хочет что-то сказать, и договорился о встрече с глазу на глаз. И что же — у него и вправду нашлось, что поведать.

Су Янь уже устал от его таинственности и сунул Сяо Цичэню в рот засахаренный финик:

— Хватит загадок. Съешь и говори, не отвлекайся.

Бросив на него сердитый взгляд, Сяо Цичэнь проглотил финик и, наклонившись к самому уху Су Яня, пробормотал:

— Он сказал, что всё это время не оставлял расследования: кто подослал того мальчика-евнуха с отравой к брату Пину — у него уже есть зацепки.

Его дыхание, тёплое и влажное, коснулось уха Су Яня, отчего одна половина тела ослабла, а другая, словно поражённая молнией, резко пришла в себя.

— Кто это?! — воскликнул он, повысив голос.

Сяо Цичэнь отодвинулся и невинно принялся грызть арахис:

— Брат Хань всё ещё собирает доказательства. Он и вправду предан брату Пину. Если бы такой человек мог служить мне, это было бы большим подспорьем. Надо подумать, как его заполучить...

Он случайно проговорился, но, заметив это, резко оборвал себя. Встретившись с насмешливым взглядом Су Яня, Сяо Цичэнь смущённо спросил:

— Что?

— У тебя есть амбиции, а ты скрываешь их от меня? — произнёс Су Янь с лёгкой усмешкой и, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Может, лучше оставаться незамеченным князем Чжао, копить силы, чтобы в будунии бороться за место под солнцем... Ты так думаешь?

Сяо Цичэнь улыбнулся:

— Если бы ты не подал идею, я бы и не подумал об этом.

Су Янь покачал головой:

— Ты не из тех, кто довольствуется малым. И я тоже.

— Тогда то, что ты говорил раньше, всё ещё в силе?

Сперва он опешил, но затем вспомнил свои слова, вырвавшиеся в порыве отчаяния. Они были безрассудны, но искренни. Отрекаться от них он не мог, а потому предпочёл честность. Су Янь опустил глаза и твёрдо сказал:

— Все мои слова остаются в силе. Всё, что ты захочешь, — если смогу, я дам тебе.

Сяо Цичэнь сжал губы, и на его лице появилось выражение, незнакомое Су Яню:

— ...А если я захочу Поднебесную?

Лукаво приподнятый уголок губ и те самые округлые, всегда невинные миндалевидные глаза, от которых не скрыться. В этот момент заходящее солнце заливало золотым светом Терем туманного дождя из окна. Сяо Цичэнь сидел спиной к свету, его слезинка горела алым, придавая лицу некую зловещую красоту. Он неотрывно ждал ответа.

Взгляд Су Яня надолго задержался на его лице. Дерзкие мысли, одна за другой, вырывались наружу, сминая рассудок. Су Яню казалось, что Сяо Цичэнь умеет играть с человеческими сердцами, но он, зная это, всё же добровольно встал рядом с ним.

Ребёнок, который, получив обиду, тут же бежал жаловаться и капризничать; отрок, мрачно сидевший у Пруда для водопоя; юноша, избитый до крови во Дворце Минфу, но сохранявший ледяное спокойствие под чужими взглядами...

Тот, кто когда-то говорил: «Я не хочу с ним соперничать», теперь тоже заглядывался на Поднебесную.

Он явно недооценил Сяо Цичэня. И всё же лишь такой Сяо Цичэнь казался ему подлинным, «истинным». Су Янь не стал спрашивать, когда именно у него появились эти мысли или было ли это лишь мимолётной фантазией.

В конце концов он лишь быстро отвел взгляд и бесстрастно произнёс:

— Что в этом сложного? Разве ты чем-то уступаешь князю Чжао?

После смерти тюркского кагана вопрос о том, отправлять ли принца обратно, обсуждался в Чертоге Великого Предела два дня, пока Сяо Янь не постановил: отправить его обратно в северную ставку и заключить с заложником Хуянь Ту соглашение — если тот сумеет занять трон, две страны продолжат союзничать.

Это решение сильно расходилось с предложением маркиза Пиньюаня «воспользоваться случаем и разгромить тюрков», и планы Су Чжи по продвижению на север не осуществились. Однако воля императора непререкаема, и Су Чжи лично возглавил отряд из сотни лучших воинов Гвардии доблестной кавалерии, чтобы сопроводить Хуянь Ту обратно в Тюркский каганат.

Осенью тридцатого года правления Туннин Нань Лян вернул второго сына тюркского кагана Хуянь Ту, поддержав его восхождение на трон. Гвардия доблестной кавалерии, исполняя императорский приказ, впервые и неохотно объединилась с личной гвардией кагана, чтобы изгнать старшего сына.

Завершив эту миссию, Су Чжи не вернулся в Цзиньлин, как планировалось, а остался на заставе Юньмэнь, занявшись укреплением границы. Чжан Ли временно принял командование Гвардией доблестной кавалерии, перебросив большую часть войск к заставам Яньмэнь и Юньмэнь. Лишь один отряд остался в Цзиньлине, и командование им, к всеобщему удивлению, было поручено Су Яню, а заместителем назначили Шэнь Чэнцзюня.

На придворном собрании снова разгорелся спор. Одни кричали, что назначать командующим гвардией юнца, только-только достигшего совершеннолетия, — чистейшее безумие. Другие же язвительно напоминали, что сам маркиз Пиньюань в восемнадцать лет уже отличился на поле боя. Когда голова уже гудела от шума, Сяо Янь обрушил на всех новый указ, взбаламутивший и без того беспокойные воды.

Шестой принц, Сяо Цичэнь, поступает в Императорскую академию, в ученики к Цзэн Сюю, и отныне участвует в государственных делах.

От «присутствия на слушаниях» до «участия в обсуждениях» князь Чжао Сяо Циюй шёл три года. Сяо Цичэнь — всего шесть месяцев. Разница в одном слове, но участие принца в государственных делах обычно дозволялось лишь после получения княжеского титула. «Присутствие» было лишь обучением, «участие» же означало поощрение принца к реальному управлению. Теперь, когда место наследника пустовало, этот шаг Сяо Яня поверг всех в недоумение.

Шестой принц долгие годы оставался в тени, а после смерти матери и вовсе был забыт. Многие считали, что император окончательно разочаровался в нём. И вот теперь, не получив даже титула, он начал пользоваться княжескими привилегиями!

Когда императорский указ доставили в Чертог Чэнлань, даже сам Сяо Цичэнь был поражён.

Взяв указ, он внимательно перечитал его несколько раз, но всё ещё выглядел растерянным:

— Господин Сюй, что... что с отцом?

Сюй Чжэндэ лишь рассмеялся, морщинистое лицо расплылось в улыбке, сказал, что не смеет гадать о воле Сына Неба, и почтительно удалился.

<http://bllate.org/book/15940/1424976>